

А. Г. КОЗИНЦЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШАМАНСКОГО БУБНА

КОЗИНЦЕВ Александр Григорьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург). Область научных интересов: физическая и культурная антропология, популяционная история Евразии и Америки, этология. Автор и соавтор более 200 печатных работ, в том числе 6 монографий

Этнографическая коллекция Музея истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) пополнилась еще одним экспонатом – бубном алтайского шамана Кондрата Танашева, снимавшегося в фильме Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга «Одна» (1931). Публикация содержит увлекательный рассказ о личности шамана и судьбе его бубна

«Годом великого перелома» назвал Сталин 1929 год. Перелом в жизни страны, перелом в сердцах художников, которые хотели шагнуть в общих рядах, но при этом оставаться самими собою. «Никогда не было так трудно думать о новом сценарии, как теперь, – написал Григорий Козинцев другу детства Сергею Юткевичу в мае 1929 г. – Очевидно, нужно решительно бороться со своим вредным вкусом и брать вещи, кажущиеся на первый взгляд чужими».

Ключевые слова: Алтай, шаманизм, бубны, Г. М. Козинцев, Л. З. Трауберг, кино, «Одна».

Key words: Altai, shamanism, drums, G. M. Kozintsev, L. Z. Trauberg, cinema, "Alone"

и нужно было, чтобы дым разъедал глаза, и чтобы больной ребенок лежал в тряпье, а глаза его матери с тревогой и надеждой смотрели на эпилептика и запойного.

Нет, ужас был совсем не в ритуальных ритмах и не в магии заклинаний.

Приобщение Танашева к цивилизации было печальным: он окончательно спился, и, думаю, что по возвращении домой он вряд ли благополучно закончил свою деятельность».

Но́ауаа а́оа́и́а

Бубен Танашева достался отцу и простоял на почетном месте в его кабинете 80 лет – 43 года до смерти отца и еще 37 лет до смерти моей мамы. Получил ли отец его из сельсовета, подарил ли его сам Кондрат или продал, а вернее сказать, пропил – я не знаю. На общем фоне тех лет такой поступок не выглядел бы слишком уж святотатственно. В 1920-е гг. шаманизм переживал на Алтае расцвет, но после начала коллективизации алтайцы стали дружно отрекаться от старой веры. Перестали приносить в жертву домашних животных и вывешивать их шкуры на шестах (такая шкура с

Кадры из фильма «Одна»: шкура с черепом – таелга – служит выразительным символом старого мира

«КРЫЛАТЫЙ КОНЬ» ШАМАНА ОБРЕЛ ПРИСТАНИЩЕ

Этнографическая коллекция Музея истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) пополнилась еще одним экспонатом – бубном алтайского шамана Кондрата Танашева.

Этот музыкальный и культовый инструмент хранился в доме известного режиссера Григория Михайловича Козинцева. В 1930 г. он снимал в Горном Алтае свой фильм «Одна», там и познакомился с Танашевым, личностью неординарной, во многом авантюристичной, но, безусловно, талантливой. Режиссер пригласил Кондрата в Ленинград и снял эпизод, в котором шаман бьет в бубен. Да, тот самый. Это крылатый конь шамана. Подгоняя его плетью-колотушкой, шаман совершает путешествие по мирам: поднимается в небо, спускается в преисподнюю. На рукояти бубна – деревянная голова Ульгения, верховного божества алтайцев, наделяющего людей даром шаманства; на внешней стороне – рисунок: солнце, звезды, радуга, вертикаль, символизирующая мировое дерево или коновязь, – Вселенная в миниатюре. Оставшись у Григория Михайловича на память о съемках фильма, бубен занял почетное место в его кабинете. И вот, спустя восемьдесят лет он вернулся с берегов Невы на сибирскую землю.

Сын режиссера Александр Григорьевич Козинцев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) передал его в дар музею, считая, что здесь бубен обретет свое настоящее пристанище

черепом – таелга – служит выразительным символом старого мира в «Одной»). Бубны стали сдавать в сельсоветы, откуда часть из них попала в музей, а часть была уничтожена.

«Посылаю привет и почтение дорогому т. Максиму Григорьевичу Левину, – писал Танашев (да, именно писал!) крупнейшему нашему этнографу и антропологу по возвращении из Ленинграда в мае 1930 г. – Я освободился от экспедиции (орфография и стиль его писем немного подправлены – А. К.)... Путешествие наше прошло благополучно, с успехом. Теперь я нахожусь дома, начал собирать для вас кое-какие тексты... Бубен, который я Вам обещал, сожгли во время перегиба в Усть-Канском аймаке по приказанию предсельсовета... Что поделаешь теперь с такими людьми, у нас здесь они много кое-что наделали».

Итак, тот, кто выдавал себя за дикого и невменяемого служителя древнего культа, не только писал письма по-русски, но и имел широкий круг научных знакомств в обеих столицах. В одном из писем (они хранятся в архиве Музея антропологии и этнографии РАН) он осведомляется о здоровье В.Г. Богораза и передает ему привет.

Приврал ли Танашев по своему обыкновению или же речь идет о другом бубне – мне не ведомо. Последняя фраза уклончива, но насчет «перегиба» и «много кое-что наделали» можно не сомневаться. Отметим, кстати, чуткость Танашева к новой фразеологии. Одна из его записок, написанная явно в состоянии тяжелого опьянения, представляет собой почти бессвязный бред,

Вного убожеств андрей Григорьевич 24 /XII/35
я нагнул отбас писмо наконторки отбываю
набавлю вопросы (1) вопрос что такое дела
создания звуками охотничьими скораб
ограждения софа и жидень человека и сурьезности
семь это элик и фаданан скотоме бесовскими
ах бирбанами, вийк эта это кобыла или жере
бос. дажны быт преданни дуку светому элику
наконторки он может пожить навозуку и
заветный крес выжигали содратом нагону
или ах бирбанау амажиденом лосице
он неможет подлететь накебо виду
того что гас тили уиен уиенет
или легче сказать что она подлетела
уиен тили вырезанной,
нупока сприветам квал семет
мало нагнул звуковит пока ничего
наконторки дома пока одыбано был зажа
ниси квал носат пригнал скот здр

Письмо Кондрата Танашева А.Г. Данилину.
Архив Музея антропологии и этнографии РАН
(Санкт-Петербург)

Рисунки
Кондрата
Танашева.
Архив Музея
антропологии
и этнографии РАН
(Санкт-Петербург)

Кадры из фильма «Одна» – лечение больной

но изобилует штампами вроде «жизнь в нашей дикой стране», «пролетарская кровь», «угнетенный народ всего мира» и т.п. Записка кончается ссылкой – «как говорил т. Потанин и другие старые ученые товарищи, с которыми я вел братскую и т(оварищескую) борьбу темной моей родной страны...».

Как бы то ни было, с опозданием на 80 лет, попал в музей и этот бубен. Кем же был его удивительный обладатель?

«Oäëâèòäëüî î àðàçèòíúé ýêçâî î ëüð»

Танашев – фигура легендарная, о нем имеется множество свидетельств. Встающий за ними облик не совпадает с тем, что рисует отец. Вернее, совпадает лишь в том, что касается пьянства. И хотя о своей эпилепсии Кондрат говорил и этнографам, оговорка отца насчет припадка «истинного или имитируемого» вполне уместна. Другими свидетельствами это не подтверждается, да и Л. П. Потапов – главный наш авторитет по алтайскому шаманству – пишет, что камы вовсе не были припадочными и прекрасно контролировали себя. Кондрат был талантливым мистификатором и незаурядным актером. Он говорил и делал то, что требовала роль, мороча не только моего отца, но и этнографов.

В 1935 г. сотрудница МАЭ РАН Л. Э. Каруновская опубликовала большую статью, посвященную представлениям алтайцев о вселенной. Статья целиком основана на рассказах и рисунках Танашева. С. А. Токарев и Л. П. Потапов – крупнейшие этнографы, собравшие в более поздние годы огромный материал по алтайскому шаманизму, – утверждают, что материалы эти не заслуживают доверия. Да и для самой Каруновской хитрость Танашева не была секретом. Видимо, она сочла, что, поскольку его сведения во многом совпадают со свидетельствами этнографов прошлого, записать их необходимо. Ее муж, сотрудник Этнографического отдела Русского Музея А. Г. Данилин, работавший на Алтае вместе с ней и собиравший материалы для книги о другой алтайской религии – бурханизме, тоже широко пользовался текстами Танашева, в том числе и автобиографическими.

«В своей автобиографии, – пишет Данилин, – Танашев особенно выявляет одну из отрицательных сторон своей личности: хитрость. Ему было известно, что материалы по бурханизму собираются для печати, поэтому автобиография составлена так, чтобы создалось впечатление: Танашев – почти революционер, во всяком случае – активный помощник советской власти. Однако по проверке факты оказались частью подогнанными и раздутыми, частью вымышленными». Критически осмыслив услышанное, Данилин составил биографию Танашева, которую мы вкратце и изложим.

Кондратий Иванович Танашев родился в 1885 г. в семье алтайца-охотника. Его первое имя – Мерей. Рос в русском окружении, с пяти лет хорошо говорил по-русски. В начале века крестился, при крещении получил имя Кондратий. Самоучкой освоил грамоту. В 1904 г. в Бийске знакомится с Г. Н. Потаниным, который снабжает его нелегальной литературой. В том же году, после расправы властей и русских крестьян с бурханистами, отрекается от православия, переходит в «белую веру» и становится ярлыком – проповедником бурханизма. Он разъезжает по Алтаю, проповедует новую религию, поет песни собственного сочинения и утверждает, будто Бурхан исцелил его от паралича правой руки. Его имя становится широко известно. Его сажают в тюрьму. Выйдя на свободу, он продолжает борьбу с русскими – уже в качестве шаманиста. Слышет «сильным камом». Впрочем, будучи и бурханистом, и шаманистом, Танашев, по словам Данилина, не верил ни в то, ни в другое. Камлание было для него заработком. «Следует отметить чрезвычайную неустойчивость К. И. Танашева, – пишет Данилин, – его честолобие и вместе с тем безрассудную храбрость» (речь идет о его борьбе с русскими миссионерами). Тем не менее перед Первой мировой войной наш герой снова крестится и даже становится дьяконом.

В 1915 г. Танашева вместе с другими алтайцами угоняют на тыловые работы в Черниговскую губернию. В каторжных условиях люди грузят паровозы углем, но Кондрат не особенно утруждается – он работает десятником и переводчиком у начальства. Пишет за неграмотных письма домой, а те отбавывают за него «урок». После революции его избирают в рабочие депутаты, он заседает в Петрограде, в Таврическом дворце. По поручению совдепа ездит по городам Европейской России, разыскивая пропавших без вести на тыловых работах. Вернувшись, воюет на стороне красных, потом бежит от них в Монголию, снова возвращается... В 1925 г. он якобы порывает с шаманизмом и сдает свой бубен (этот экземпляр попал в МАЭ РАН). По другой версии, бубен у него отобрал инструктор политпросвета, поскольку Танашев собрался вступать в партию. Кондрат включается в борьбу с безграмотностью, пропагандирует социалистическое строительство, но тайно продолжает заниматься камланием. В 1929 г. он публично отрезает свою косу и заявляет: «Если теперь я буду камлать и народ обманывать, то отрежьте мою голову, как эту косу!» Но и это было обманом.

И вот пути Танашева и моего отца пересекаются. Он едет в Ленинград, где продолжает играть роль шамана в фильме «Одна», но уже в павильоне «Ленфильма». Живет в гостинице, пьянствует, постоянно попадает в милицию. Вернувшись домой, работает в сельхозартели, в мараловодческом совхозе, на золотых приисках, промышляет охотой, потом становится гуртовщиком

Рисунок Кондрата Танашева.
Архив Музея антропологии и этнографии РАН
(Санкт-Петербург)

Кадры из фильма «Одна» – стрижка овец

на Чуйском тракте – перегоняет овец из Монголии на Алтай. Словом, законченный авантюрист, но авантюрист талантливый и неординарный.

«Удивительно паразитный экземпляр, – записывает в полевом дневнике Л.Э. Каруновская. – Говорят, он был столь же активен при белых, как в настоящее время распинается за “советский социализм”, а приди опять белые, был бы и с теми не менее ретив. Дома за него работает семья, 70-летняя мать и столь же преклонных лет отчим с ребятишками, а он разъезжает, пьянствует... Гибкость его поистине поразительная... Дьявольская физиономия с хитрыми неоткрытыми глазами... Как бывшего кама, его боятся – вследствие чего он привык к незаслуженному вниманию и приношениям...». Пройдохой и жуликом называет Танашева и сибирский писатель А.Л. Коптелов, лично его знавший.

Последнее, что запомнилось Каруновской, когда они с Данилиным уезжали из Ябогана – пьяный Кондрат, размахивающий в их честь красным флагом.

Ни прибавить, ни убавить... Но попробуем все-таки взглянуть на Танашева с иной стороны. Говоря о его личных качествах, не будем забывать, что он вместе со своим народом попал в мясорубку. Горный Алтай был ареной борьбы сразу четырех культур – шаманистской, бурханистской, православной и советской. Как уцелеть в этой круговерти? Да, Танашева всегда выручало приспособленчество. Но ведь люди верили ему как шаману, бурханисты почитали его как проповедника, пели его песни. Обман? Но тогда что означает слово «правда» в применении к религии?

Говоря же об «апокрифичности» его текстов, спросим себя – а как возникает фольклор? Разве только путем

механического воспроизведения? Если смотреть на Танашева как на человека народной культуры, то отличие его от рядовых ее представителей – лишь в неординарном таланте и решительности, с которой Танашев, будучи носителем живой традиции, ее видоизменял. Чем же он не творец фольклора? Значит, Каруновская и Данилин были правы, записывая и изучая его тексты. Разве они менее «правдивы», чем, скажем, тексты Калевалы, записанные Лённротом? Рядовые носители традиции лишь воспроизводят ее, а самые талантливые, которых всегда единицы, – меняют и создают.

Своей бесконечной хитростью, изворотливостью, способностью к перевоплощению Танашев напоминал мифологического трикстера, и это еще одна черта, связывающая его с народной и даже архаической культурой. Во время камлания он показывал типично трикстерские фокусы вроде «изрыгания камней» или «глотания» больших колокольчиков, которые на самом деле прятал за пазуху. За всем этим – мировая традиция, уходящая в глубь веков. Народное зрелищное искусство и религиозно, и пародийно; оно не укладывается в схемы, которые создают педантичные ученые. Кстати, это искусство было очень близко творцам киноавангарда. Жаль, что тогда, на Алтае, в 1930 г., эту связь не заметили – ее затмила политика и злоба дня.

Пройдут годы и исследователи, быть может, станут чуть снисходительнее и к творчеству Кондрата Танашева, и к нему самому. А его бубен, занявший достойное место в музее Института археологии и этнографии СО РАН, станет одним из бесчисленных связующих звеньев между культурами прошлого и настоящего.

Литература

Козинцев Г.М. *Пространство трагедии* // Искусство, Ленинградское отделение. Л., 1973. 236 с.

Каруновская Л.Э. *Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманству)* // Советская этнография. 1935. Вып. 4–5. С. 160–183.

Потапов Л.П. *Алтайский шаманизм* // Л.: Наука, 1991. С. 302–303.

Токарев С.А. *Пережитки родового культа у алтайцев* // Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. 1947. Т. 1. С. 139–158.

Дьяконова В.П. *К. Танашев: алтайский ярлыкчи или кам?* // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996–1997 гг. СПб.: изд-во МАЭ РАН, 1998. С. 132–134.

Кондрат Танашев.
Фото А.Г. Данилина. Архив Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург)